

1

Создание Шелкового пути

С начала времен в центре Азии возникали великие Симперии. Аллювиальные равнины Месопотамии, орошаемые Тигром и Евфратом, — прекрасная естественная основа для зарождения цивилизации. В этом регионе появились первые поселения и первые крупные города. Систематическое сельское хозяйство развивалось в Месопотамии и по всему «плодородному полумесяцу». Плодородные земли, имеющие доступ к воде, простираются от Персидского залива до побережья Средиземного моря. Именно здесь около 4000 лет назад были записаны первые законы. Хаммурапи, царь Вавилона, создал для своих подданных свод правил, который предусматривал суровые наказания за нарушения¹.

Многие могучие державы вышли из этой колыбели, но величайшей из них была империя персов. Созданная в VI в. до н. э. персидская держава (сейчас это южная часть Ирана) быстро захватила соседние земли вплоть до берегов Эгейского моря, покорила Египет и устремилась на восток, к самым Гималаям. Согласно греческому историку Геродоту, своим успехом персы были обязаны главным образом своей открытости. «Персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев», — пи-

сал Геродот. Так, например, они были готовы изменить национальный костюм, когда поняли, что поверженные ими враги одеваются лучше. Именно это и сподвигло их перенять костюм мидийцев, а затем и египтян².

Благодаря своей готовности воспринимать новые идеи и подходы персы создали систему управления огромной империей, объединившей различные народы. Грамотное и эффективное управление дало возможность наладить повседневную жизнь государства. Учтено было все, начиная от размера выплат слугам, обслуживающим правящую семью, и заканчивая количеством и качеством проданных и купленных товаров. Персы также тщательно следили за поддержанием и ремонтом дорожной сети, пересекавшей империю от Суз на территории современного Ирана до Сард в Малой Азии и вызывавшей зависть у всего античного мира³.

Дорожная сеть, которая соединяла побережье Малой Азии с Вавилоном, Сузами и Персеполем, простиралась на 1600 миль, при этом преодолеть это расстояние можно было всего за неделю. Нахваливая это достижение персов, Геродот утверждал, что ни снег, ни дождь, ни жара, ни тьма не сказываются на скорости доставки сообщений по их дорогам⁴. Инвестиции в сельское хозяйство и развитие ирригационных систем для повышения урожайности привели к более активному росту городов и их населения. Горожан кормили окружающие города поля, расположенные не только на берегах Тигра и Евфрата, но и в долинах рек Окс и Яксарт (которые сейчас известны как Амударья и Сырдарья), а после захвата персами Египта в 525 г. до н.э. — и в дельте Нила. Персидская империя состояла из плодородных земель, соединявших Средиземноморье с самым сердцем Азии.

Персия представляла собой оплот стабильности и справедливости. Об этом сообщает надпись на скале Бехистун, в которой на персидском, эламском и аккадском языках говорится о том, как Дарий Великий, один из самых известных правителей Персии, подавлял мяте-

жи и восстания, защищал империю от иноземных вторжений и не обижал ни бедных, ни богатых. «Защищайте страну, — гласит надпись, — управляйте людьми справедливо — это и есть основа основ любого государства»⁵. Терпимость народа была просто потрясающей. Одного из правителей Персии именовали «помазанником Божьим» («Мессией»). Именно при нем евреи были освобождены из Вавилонского плена⁶.

В Древней Персии процветала торговля, благодаря которой ее жители получали доходы, позволявшие финансировать военные экспедиции и тем самым приобретать еще больше ресурсов. Также это давало персам возможность удовлетворять свои неординарные запросы — например, строить великолепные здания в Вавилоне, Персеполе, Пасаргадах. В Сузах царь Дарий построил великолепный дворец из ценного черного дерева и серебра, доставленных из Египта, кедра, привезенного из Ливана, чистого золота из Бактрии, лазурита и киновари из Согдианы, бирюзы из Хорезма и слоновой кости из Индии⁷. Персы были большими охотниками до разнообразных удовольствий. По словам Геродота, им было достаточно просто узнать о новых развлечениях, чтобы захотеть немедленно побаловать себя⁸.

Торговля обеспечивала существование военной структуры, которая не только расширяла, но и охраняла границы империи. Персия постоянно испытывала угрозу с севера, где господствовали кочевники, которые пасли свой скот в полузасушливых степях, простиравшихся от Черного моря через Центральную Азию до самой Монголии. Эти люди славились своей жестокостью — по слухам, они пили кровь своих врагов и снимали с них скальпы. В некоторых случаях они даже поедали плоть своих отцов. Взаимодействие с кочевниками было чрезвычайно сложным, хотя, несмотря на все вышеописанное и то, что они были абсолютно непредсказуемы, они являлись одними из важнейших поставщиков животных,

особенно прекрасных лошадей. Но все равно кочевники могли стать большой проблемой. Так, например, Кир Великий, создавший персидскую империю в VI в. до н.э., был убит, когда пытался подчинить массагетов. Его голову поместили в сосуд, полный крови. По свидетельству одного из источников, это символизировало то, что его жажда власти была наконец удовлетворена⁹.

Однако даже этот удар не затормозил развитие Персии. Жители Греции смотрели на Восток со смесью страха и восхищения. Греки стремились перенять тактику персов и их передовое вооружение. Греческие писатели, такие, как Эсхил, объясняли победы греков над вторгшимися в Грецию персами доблестью воинов и благоволением богов¹⁰.

«Я пришел в Грецию, — говорит Дионис в первых строках «Вакханок» — с прекрасного, богатого Востока», места, где равнины Персии купаются в солнечных лучах, города Бактрии надежно защищены стенами, где прекрасно сконструированные башни возвышаются над побережьем. Азия и Восток — земли, которые Дионис основал во время «божественного танца» задолго до Греции¹¹.

Прилежнее всех эти сочинения изучал Александр Македонский. Когда в 336 г. до н.э., после убийства отца, короля Филиппа, он занял трон, ни у кого не было ни малейших сомнений, по какому пути молодой полководец пойдет к славе. В сторону Европы он даже не смотрел. Европа не сулила ничего. Там не было городов, культуры, славы, богатства. Для Александра, как и для всех древних греков, культура, идеи и возможности, а также угрозы происходили с Востока. Неудивительно, что его внимание было приковано к величайшей силе Античности — к Персии.

Нанеся молниеносный удар по персидскому Египту в 331 г. до н.э., Александр покорил его, а затем отправился в самое сердце империи персов. Решающее столкновение произошло в октябре 331 г. на пыльных рав-

нинах вблизи Гавгамел, недалеко от современного города Эрбиль в Иракском Курдистане. Там македонский царь нанес сокрушительное поражение превосходящим силам персов под командованием Дария III. Возможно, это произошло из-за того, что он хорошенько выпался. Согласно Плутарху, Александр настаивал на обязательном отдыхе перед сражением и сам спал так крепко, что его приходилось потрясти, чтобы разбудить. Облачившись в свое любимое воинское одеяние, он надел шлем, блестящий, словно чистое серебро, взял в правую руку верный меч и повел свое войско на битву, которая открыла для него врата империи¹².

На воспитанника Аристотеля Александра всегда возлагали большие надежды. И он их оправдал. После того как армия персов была разбита при Гавгамелах, Александр направился на восток. Один за другим города покорялись ему, он захватывал все больше территорий. Обширные местности, славящиеся необычайной красотой и богатством, сдавались юному герою. Вавилон открыл ему свои ворота, вавилоняне украсили дорогу, ведущую к городу, цветами и гирляндами, расставили вдоль нее серебряные алтари с благовониями. В качестве даров были преподнесены клетки со львами и леопардами¹³. Вскоре практически все города вдоль Царской дороги, которая соединяла основные города Персии и побережье Малой Азии с Центральной Азией, оказались под властью Александра.

Хоть современные ученые и сравнивают его с «нетрезвым подростком-головорезом», Александр проявил себя на удивление деликатным завоевателем¹⁴. Зачастую он очень мягко относился к местным верованиям и обычаям, проявляя терпимость и уважение. Например, он был очень раздосадован разорением могилы Кира Великого. Он не только повелел восстановить могилу, но и наказал виновных¹⁵. Когда тело Дария III, убитого одним из персидских военачальников, было найдено в повозке, Александр приказал, чтобы царь был похоронен соглас-

но обычаям своего народа и в соответствии со своим высоким статусом¹⁶.

Александр завоевал обширные территории, и, чтобы держать их под контролем, он пользовался расположением местной элиты. Ему приписывают следующие слова: «Если мы хотим Азией обладать, а не только пройти через нее, нам нужно проявлять некоторую милость к этим людям; их верность сделает нашу власть прочной и постоянной»¹⁷. Местные чиновники и представители элиты покоренных городов остались на своих местах. Сам Александр перенял местные традиции и стал носить персидские одежды, чтобы подчеркнуть свою погруженность в культуру. Он старался позиционировать себя не столько как завоевателя, сколько как наследника древних династий. Но даже несмотря на это, нашлись те, кто утверждал, что он принес несчастье и залил землю кровью¹⁸.

Важно помнить, что большая часть доступной нам информации о кампаниях Александра, его успехах и политике исходит от историков более позднего периода. Их суждения зачастую идеализированы, так как их восхищали подвиги молодого полководца¹⁹. В связи с этим следует осторожно подходить к источникам, в которых описывается крах Персии. Скорость, с которой Александр расширял границы своих владений, говорит сама за себя. Он основал множество городов, часто называя их в свою честь, например Герат (Александрия в Арии), Кандагар (Александрия в Арахозии) и Баграм (Александрия Кавказская). Появились новые перевалочные пункты и укрепления к северу до самой Ферганской долины — они образовали так называемую ось Азии.

Новые города с мощными оборонительными системами и укреплениями были построены для защиты от угрозы со стороны степных племен, которые нападали на сельские поселения. Александр разработал план фортификации для защиты недавно завоеванных земель. Примерно в это же время подобные проблемы возникли

кали и в регионах, расположенных восточнее. Китайцы уже разработали концепцию общности «хуася», в соответствии с которой цивилизованный мир противопоставлялся варварам из степи. Интенсивная программа постройки сети фортификаций, которая позже стала известна как Великая Китайская стена, была разработана по тому же принципу, что и у Александра. Расширение без защиты бесполезно²⁰.

В IV в. до н. э. Александр продолжил свою кампанию, через Гиндукуш продвигаясь к Инду. Там он также повелел построить укрепления и форты. Однако здесь он столкнулся с недовольством своей уставшей и соскучившейся по дому армии. С военной точки зрения, достижения Александра, при невыясненных обстоятельствах умершего в 323 г. до н. э. в Вавилоне в возрасте тридцати двух лет, не представляли собой ничего сенсационного²¹. И все же скорость и размах его завоеваний были ошеломляющими. Не менее впечатляющим, хотя это часто игнорируется, является оставленное им наследие, а также влияние греческой культуры на персидскую, индийскую и даже китайскую.

Несмотря на то что внезапная смерть Александра повлекла за собой раздоры среди его полководцев, вскоре на Востоке появился новый лидер: военачальник по имени Селевк, рожденный в Северной Македонии и принимавший участие почти во всех крупных походах. Через несколько лет после смерти македонского царя он стал правителем земель, которые простирались от Тигра до Инда. Эти территории были такими большими, что напоминали не столько царство, сколько империю. Селевк основал династию Селевкидов, которая правила около трех столетий²².

Походы Александра очень часто характеризуют как серию быстрых побед, а его наследие — как нечто эфемерное и временное. Но это были не временные достижения — они стали началом нового исторического этапа для местности между Средиземным морем и Гималаями.

В первые десятилетия после смерти Александра можно было наблюдать несомненную эллинизацию. Идеи, концепции и символы Древней Греции проникли на Восток. Потомки военачальников Александра помнили о своих греческих корнях и всячески подчеркивали их. Примером могут служить монеты, отчеканенные в городах, расположенных в стратегически важных точках торговых путей и сельскохозяйственных центрах. Эти монеты оформлялись по единому образцу — на них изображался нынешний правитель местности, как правило с венком или диадемой на голове. Правители на монетах всегда смотрели вправо, по примеру Александра. На обратной стороне изображался Аполлон, о чем свидетельствовала надпись на греческом языке²³.

Греческий язык можно было услышать по всей Центральной Азии и в долине Инда. В Ай-Хануме, городе на севере Афганистана, который был основан Селевком, на одном из монументов были выгравированы дельфийские максимы. Они гласили:

В детстве будь послушен.

В юности будь сдержан.

В зрелости будь справедлив.

В старости будь мудр.

Настанет время умирать — умирай без боли²⁴.

Спустя более века после смерти Александра греческий по-прежнему оставался языком бюрократии. Об этом свидетельствуют документы, связанные с налогообложением и выплатой жалования солдатам, составлявшиеся в Бактрии около 200 г. до н. э.²⁵ Греческий язык проник вглубь Индийского субконтинента. Некоторые эдикты правителя империи Маурьев Ашоки, величайшего правителя древней Индии, сопровождались переводом на греческий язык. По всей видимости, это делалось в интересах местного населения²⁶.

Культурный обмен между Европой и Азией принес поразительные плоды. Статуи Будды стали появляться только после того, как в долине Гандахара и Восточной Индии установился культ Аполлона. Буддисты почувствовали угрозу со стороны новой успешной религии и начали создавать свои собственные визуальные образы. Об этом свидетельствует не только время появления первых скульптурных изображений Будды, но и их внешний вид: можно предположить, что прототипом для них стали изображения Аполлона. Таково было влияние греческой культуры. Ранее буддисты воздерживались от визуальных средств отображения, теперь же конкуренция заставила их быстро реагировать, перенимать чужой опыт и изобретать что-то новое²⁷.

Каменные алтари, украшенные греческими надписями, фигуры Аполлона и изысканные миниатюры из слоновой кости, изображающие Александра, были обнаружены археологами на юге нынешнего Таджикистана; эти находки демонстрируют, насколько глубоко проникали западные веяния²⁸. Вглубь континента проникли и представления о превосходстве средиземноморской культуры. Греков уважали в Индии, в частности за их познания в науках: «Они варвары, — гласит книга, известная как «Шри Гарга-самхита», — но наука астрономия пошла от них, и за это их можно почитать как богов»²⁹.

Согласно Плутарху, Александр принял меры для того, что греческие представления о божественном распространились до самой Индии. В результате олимпийские боги почитались по всей Азии. Молодежь в Персии и за ее пределами воспитывалась на поэмах Гомера и трагедиях Софокла и Еврипида. В долине Инда изучали греческий язык³⁰. Может быть, поэтому заимствования наблюдаются и в литературе. Было высказано предположение, что основой для создания «Рамаяны», санскритского эпоса, выступали «Илиада» и «Одиссея», а тема похищения Ситы Раваной содержит прямую отсылку к бегству Елены с Парисом из Трои. В то же время на

запад проникали восточные веяния. Некоторые ученые считают, что «Энеида», к примеру была создана под влиянием индийских текстов, в частности «Махабхараты»³¹. Идеи, сюжеты и истории путешествовали по дорогам, распространялись скитальцами, купцами и паломниками. Завоевания Александра, в конечном счете, привели к расширению кругозора жителей покоренных им земель и соседних территорий, участвовавших в обмене идеями, образами, концепциями.

Даже народы диких степей подверглись такому влиянию. Об этом свидетельствуют украшения, найденные в захоронениях высокопоставленных лиц в Тилля-тепе на севере Афганистана. Эти произведения искусства были созданы под влиянием культуры Греции — а также Сибири, Индии и других земель. Предметы роскоши кочевники обменивали на домашний скот и лошадей, а иногда получали в качестве дани в обмен на мирное сосуществование³².

Включению степей в процессы мирового культурного обмена способствовал рост амбиций Китая. Новые волны экспансии во время правления династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) раздвинули границы империи до самой провинции Сиюй, название которой в переводе обозначает «Западный край». Сегодня мы знаем ее под названием Синьцзян — «Новая граница». Так именовали земли за пределами Ганьсуйского коридора — пути примерно в 600 миль, соединяющего внутреннюю часть Китая с городом-оазисом Дуньхуан, расположенном на краю пустыни Такла-Макан. В этой точке можно было выбрать, по какому пути двигаться — северному или южному, причем оба они могли быть опасны. Эти пути сходились в Кашгаре, связывавшем, в свою очередь, Гималаи, Памир, Тянь-Шань и Гиндукуш³³.

Политика экспансии Китая позволила объединить Азию. До этого связи были блокированы юэчжи и прежде всего хунну, тесному взаимодействию мешали на-

роды юэчжи и хунну, племена кочевников, которые, подобно скифам Центральной Азии, представляли постоянную угрозу, но в то же время служили поставщиками домашнего скота. Китайские авторы во II в. до н.э. отмечали, что у людей из степи покупалось до 10 000 голов скота³⁴. Огромный спрос на лошадей со стороны китайцев подогревался острой необходимостью поддерживать боеспособную армию, способную сохранять порядок на территории Китая и отражать атаки хунну или других кочевых племен. Лошади из западной части Синьцзяна ценились достаточно высоко и могли принести вождям племен целое состояние. Однажды вождь юэчжи торговал лошадьми за очень крупную партию товаров, которые впоследствии перепродал, увеличив свое состояние в 10 раз³⁵.

Самых знаменитых скаковых лошадей разводили в Ферганской долине, к северу от живописного Памира, который располагается на территории восточной части Таджикистана и северо-восточной части Афганистана. Их очень ценили за их силу. Китайские авторы называли их порождениями драконов и «ханьсюэ ма» («лошадьми, потеющими кровью») из-за красноватого пота, причиной появления которого могли быть местные паразиты или необычайно тонкая кожа коней, у которых кровеносные сосуды лопались при большой физической нагрузке. Некоторые особенно хорошие особи стали настоящими звездами. Их воспевали в поэмах, изображали в скульптурах и на картинах. Их же называли «тянь ма» — небесными, божественными лошадьми³⁶. Некоторые из них даже отправлялись «к лучшей жизни» вслед за своими хозяевами. Один из императоров был захоронен вместе с восьмьюдесятью самыми любимыми скакунами — место их погребения охранялось статуями двух жеребцов и одним терракотовым воином³⁷.

Взаимоотношения с хунну, которые господствовали в степях Монголии и на лугах на севере Китая, не всегда были простыми. Древние историки описывают это пле-

мя как варварское, склонное к употреблению сырого мяса и крови. По словам одного из писателей, это люди, которых «отринули небеса»³⁸. Китайцы предпочитали платить дань, чтобы не подвергать свои города угрозе нападения. Посланники регулярно отправлялись к кочевникам (которые с детства обучались охоте на крыс и птиц, а затем на лис и зайцев), и император вежливо осведомлялся о здоровье верховного лидера³⁹. Была разработана целая система подношений, и кочевники получали богатые дары, такие как рис, вино и ткани, в обмен на мир. Самым ценным подношением был шелк — ткань, которая высоко ценилась кочевниками за фактуру и легкость и использовалась ими для изготовления одежды и постельного белья. Кроме того, это был символ политической власти и высокого положения в обществе: многослойные одежды из драгоценного шелка — отличительный признак «шаньюя» (верховного лидера племени)⁴⁰.

Размер подношения был внушительным. В I г. до н. э. хунну получили 30 000 рулонов шелка, такой же объем сырья, а также 370 предметов одежды⁴¹. Некоторые чиновники полагали, что любовь племени к роскоши не доведет до добра. «Вы одержимы вещами из Китая», — смело заявил один из посланников лидеру племени. Он отметил, что обычаи хунну постепенно меняются и Китай «в конце концов покорит весь народ хунну»⁴².

Но он всего лишь выдавал желаемое за действительное. На самом деле стратегия, которая помогала поддерживать мир и добрососедские отношения, приводила к потерям, как финансовым, так и политическим. Выплата дани требовала больших затрат и свидетельствовала о политической слабости Китая. Со временем династия Хань пришла к выводу, что с хунну нужно бороться, чтобы решить проблему раз и навсегда. Согласованные усилия позволили освободить богатые сельскохозяйственные земли региона Сиюй, в результате кампании, длившейся 10 лет и закончившейся в 119 г.

до н. э. кочевники были отброшены, и китайцы взяли под контроль коридор Ганьсу. К западу находились горы Памира, а за ними — новый мир. Китай открыл дверь, ведущую к трансконтинентальным связям. Именно тогда и появился Шелковый путь.

В ходе экспансии Китай стал проявлять живой интерес к землям, лежащим за его пределами. Чиновников обязывали исследовать регионы за горами и писать отчеты. Один из таких отчетов — «Ши цзи» («Исторические записки») — принадлежит перу историографа империи Хань Сыма Цяня. Он продолжил работу даже после того, как был опозорен и кастрирован за то, что осмелился встать на защиту импульсивного молодого полководца, которому не удалось уберечь войско от поражения⁴³. Он прилежно записал все, что узнал об истории, экономике и военной мощи народов долины Инда, Персии и Центральной Азии. Он отмечал, что государства Центральной Азии ослабли, так как кочевники, отброшенные китайскими войсками, устремились в другие места. Цянь писал, что жители этих королевств не столь успешны в воинском искусстве, зато искусны в торговле. Рынки в Бактрии процветают, и там можно купить и продать все, что угодно⁴⁴.

Торговля между Китаем и остальным миром развивалась достаточно медленно. Использовать торговые пути вдоль края пустыни Гоби было непросто, особенно по другую сторону Нефритовых ворот, через которые торговые караваны проходили на запад. Переход от одного оазиса к другому через опасные земли был труден, вне зависимости от того, пролегал путь через пустыню Такла-Макан, горы Тянь-Шань или Памир. Экстремальные температуры также должны были стать предметом обсуждения, и одной из причин стала высокая ценность бактрийских верблюдов. Они были достаточно выносливыми, чтобы справиться с тяжелыми условиями пустыни. Кроме того, эти животные предчувствовали появление смертоносных песчаных бурь задолго до их начала;

как описывал очевидец: «Внезапно они сбились в кучу и сердито зарычали». Для торговцев такое поведение было точным признаком того, что нужно прикрыть носы и рты, обернув голову войлоком. Верблюды, конечно, были не самым надежным видом транспорта, источники говорят о том, что по пути торговцам встречалось множество мертвых животных и скелетов⁴⁵. В таких тяжелых обстоятельствах награда должна была быть высока, так как риски были немаленькими. Хотя и бамбук, и ткани из Сычуаня можно было отыскать за тысячи миль на рынках Бактрии, чаще всего на дальние расстояния возили товары редкие и ценные⁴⁶.

Ключевую роль играла торговля шелком. Кроме его несомненной ценности для кочевых племен, шелк выполнял еще несколько важных функций. Во время правления династии Хань шелк использовали наряду с монетами для выплаты жалования солдатам. В некоторой степени это была самая надежная валюта: производство монет в необходимых количествах было связано с определенными трудностями, кроме того, еще не во всех провинциях Китая были введены денежные отношения. Это представляло проблему, когда дело доходило до оплаты труда военных, так как военные действия по большей части осуществлялись в отдаленных регионах, где монеты были просто бессмысленны. Зерно же через какое-то время портилось. В результате рулоны шелка-сырца часто использовались как валюта для оплаты товаров и услуг или для взыскания штрафов, как, например, в одном из буддистских монастырей⁴⁷. Шелк стал такой же международной валютой, как и предметы роскоши.

В Китае была создана законодательная база для регулирования деятельности иностранных торговцев. Обнаруженные в гарнизонном городе неподалеку от Дунхуаня 35000 текстов позволяют восстановить картины повседневной жизни города, расположенного в самом начале коридора Ганьсу.